

вующей, подобно США и их союзникам, в собственных интересах.

Гейтс подчеркивает в своей «Стратегии» преимущество «метода не прямых действий – прежде всего за счет усиления потенциала государств-партнеров». Отсюда вопрос: предполагает ли стратегическое партнерство, в обновленном варианте Обамы, помощь России в укреплении ее потенциала, хотя бы и «непрямыми» методами? А если нет, если мы исключены из условий этого уравнения, то мы неизбежно будем считать любое расширение поля «непрямого укрепления альянсов», как направленное против нас. Этот стратегический диссонанс сопровождает все американские выкладки и предложения России.

К новой стратегии

Россия вечно дожидается от Америки «серьезного стратегического диалога», но не требует его в ясной форме, а внутри страны сама его не ведет. До сих пор мы двигались в неопределенный мир, ориентируясь на сводки последних новостей. Новая Америка Обамы встает перед задачей, на решении которой сложится либо нет новое стратегическое сознание России. Речь не о сумме тактик, а именно о стратегии, способной иметь дело с этой самой загадочной страной современного мира.

Важнейший американский глобальный ключ – право и возможность не допустить, чтобы кто-либо преобразовал мир по тому или другому эталону. Готовы ли американцы советоваться с Россией по стратегическим вопросам? *США признают за Россией глобальную ядерную компетенцию.* Но тогда у России должен появиться собственный, *второй ключ* в вопросах ядерного распространения, какой есть у Америки. И США не могли бы, просто не имели бы права «принять к сведению» ядерное довооружение Индостана без предварительных консультаций с РФ.

Между тем, повестка дня нового российско-американского диалога уже сегодня почти целиком относится к глобальной, а не региональной повестке: СНВ, ДНЯО, ПРО, НАТО, Афганистан, Иран, Центральная Азия, Северная Корея, постсоветское пространство – все это в центре сцены нового мира, а не на ее периферии. Действия России в таком ландшафте могут быть эффективны только как действия **державы-носителя мировой компетенции.** Готовы ли США советоваться с нами по вопросам европейской стратегии? А почему бы и нет? Сделка по ПРО это молчаливо предполагает.

Мир может быть сколь угодно неопределен (он всегда был таков!). И все равно он будет объектом управления. Мир будет объектом той или иной глобальной власти – множественной, распределенной, внутренне конфликтующей, но – власти. Она может применяться со своей суверенной территории или же вторгаться на чужую – и все равно она мировая власть. Буш испытал, насколько она близка и насколько труднодостижима. России нужна своя доля мировой власти, в том числе и там, где ее потенциал фактически имеет глобальный характер. ■

РОССИИ И ШТАТАМ ЕСТЬ ЧТО ПРЕДЛОЖИТЬ ДРУГ ДРУГУ

ДЖОЗЕФ НАЙ-МЛАДШИЙ – председатель Трехсторонней комиссии с американской стороны, декан школы государственного управления Гарвардского университета, профессор, автор идеи «мягкой силы» («soft power»)

Специально для РЖ

Безусловными победителями холодной войны являются народы как России, так и Соединенных Штатов Америки. Единственным проигравшим – забюрократизированная коммунистическая система, которая была выгодна исключительно привилегированным слоям СССР, и Михаил Горбачев заслужил гораздо большего уважения за слом этой системы и за окончание холодной войны, чем он получил. Это кажется очевидным. К сожалению, эти давние выводы до сих пор не вылились в конкретные предложения по улучшению российско-американских отношений на официальном уровне. Инерция мышления в стиле «холодной войны» до сих пор существует. Россия ни в коем случае не должна рассматриваться в качестве проигравшей стороны в противостоянии США – СССР, как минимум потому, что Советского Союза не существует. Очевидное игнорирование этой элементарной истины на протяжении последних восемнадцати лет и приводит к тому, что «пересмотр результатов холодной войны» попадает в фокус внимания заинтересованных сторон, порождая мифы и спекуляции.

Сейчас в США по от-

ношению к России складывается столь необходимый межпартийный консенсус «реалистов», состоящий как из демократов, так и из республиканцев. Суть этого консенсуса, в двух словах, в том, что Америка должна серьезно и постоянно учитывать российские интересы в своей политике, а не игнорировать их, как это время от времени происходило ранее.

В первую очередь необходимо **предложить Москве убрать из повестки дня самый раздражающий Россию вопрос – размещение элементов американской ПРО в Восточной Европе.** Белый Дом мог бы предложить России или совместную программу противоракетной обороны, которая учитывала бы ее интересы, или отложить одностороннее осуществление программы ПРО на неопределенный срок, пока заинтересованные стороны не определят ее статус.

В свою очередь, Россия могла бы более активно оказывать содействие США в противодействии угрозам на Ближнем Востоке: противодействовать Ирану в его стремлении стать ядерной державой, оказать содействие в урегулировании проблемы терроризма в Афганистане и других близлежащих странах региона. ■